

Сержио Басбаум: «Общепринятое представление о синестетах заключается в том, что они живут в каком-то вечном психоделическом мире, полном цветов и глубоких ощущений»

Профессор Сержио Басбаум (Prof. Dr. Sérgio Roclaw Basbaum) – преподаватель, исследователь и художник из Сан-Паулу, Бразилия. Бакалавр по специальности кинематография, доктор философии в области коммуникаций и семиотики. В настоящее время преподает по программе последипломного образования по технологиям интеллекта и цифрового дизайна (TIDD) в Папском университете Католической церкви Сан-Паулу (PUC-SP). Сержио Басбаум опубликовал в Бразилии две академические книги: «Синестезия, искусство и технология» (*Sinestesia, arte e tecnologia*, 2002) и «Примат восприятия и его последствия в медиа-среде» (*O primado da percepção e suas consequências no ambiente midiático*, 2016). Им также написано несколько статей, посвященных таким темам, как синестезия, восприятие, технологии и искусство. Сержио издал сборник стихов и два альбома как композитор, исполнитель и аранжировщик.

Как вы определяете синестезию? Одно ли это явление или несколько?

Для меня, прежде всего – это слово. Как и любое слово – оно работает как аттрактор для ряда процессов, дискурсов и желаний, которые оно тем или иным образом вызывает. Конечно, строго говоря, наука, как формальный и высоко институционализированный путь познания природы, стремится ограничить область его семантического применения, так как вообще возможность сказать что-нибудь о чём-нибудь основывается на редукционизме. Однако, с культурной точки зрения, это работает несколько иначе: Я пришел к теме синестезии, как и многие, в процессе обсуждения мультисенсорного искусства. Как результат, многие художники и исследователи заинтересовались тем, каким образом психология и современная нейробиология определяют и используют явление синестезии; также это вызвало интерес к самому феномену – многогранному самому по себе – его причинам, и всем тем выводам, к

которым дискуссия о синестезии привела в отношении вопросов о восприятии, сознании, опыте, языке, эстетике и т.д. Однажды заинтересовавшись этим, начинаешь задаваться вопросами об отношении между художниками и синестетами, о художниках-синестетах, синестезии в искусстве и т.д. Однако это также помогло пролить новый свет на вопросы естественной науки! В этом суть междисциплинарности – она освещает разные аспекты вопросов, чтобы построить более широкую картину того, чем является изучаемый объект.

По мере исследования вопроса стало ясно, что синестетический опыт также может быть понят как состояние нашего тела с мультимодальными связями, взятого как единое целое, – то, что Морис Мерло-Понти (Maurice Merleau-Ponty) предложил несколько десятилетий назад, ещё до современного роста интереса к этому вопросу. В моей работе, синестезия в основном – это когнитивное состояние и основа-предикат для некоторых работ в искусстве, которые не сводятся к традиционным областям творческой выразительности; и в моём стремлении понять оба явления, это также проявляется как состояние для познания и культурная ситуация – раз уже Современность разделила и специализировала чувства как в дискурсах (наука), так и в опыте (искусство). Конечно, существуют (сильные) синестеты, работающие в традиционных формах искусства, таких как живопись или музыка, и (слабые) синестеты, создающие мультисенсорные, синестетические работы.

Таким образом, если суммировать, то я бы сказал, что синестезия – это опыт. Для меня не столь важно, биологически вызванный ли это феномен или внешне формализованный мультимодальный опыт (как в произведениях искусства). Оба ракурса являются сторонами одной медали, и, таким образом, я придерживаюсь представления об оси между “слабой” и “сильной” синестезией, предложенного Лоренсом Марксом (Lawrence Marks).

В какой степени синестезия является врожденной (генетически предопределенной)? Каковы причинные влияния обучения и восприятия на ее проявление?

Я не нейробиолог, но большинство из них считает синестезию врожденной. Однако, сегодня мы знаем, что гены, чтобы проявиться в фенотипическом аспекте, зависят от культурного взаимодействия и взаимодействия со средой. Этот процесс называется эпигенез. Также существует очень много данных о людях испытывающих синестезию под гипнозом или под влиянием психоактивных веществ или даже во время эпилептического припадка, что наводит на мысль, что каждого из нас можно рассматривать как потенциального синестета. Культурные аспекты, думаю, могут иметь значение в некоторых случаях, поскольку восприятие зависит от культуры, и несколько исследователей подчеркивали, что культурные практики, зависящие от разных моделей воспри-

ятия, являются базисом для культурного понимания реальности происходящего. Согласно этим моделям, некоторые считают первичным зрение, некоторые – слух, некоторые более тактильны... и существуют культуры, которые полагаются на определенные способы синестетических взаимодействий для построения смысла своего мира. Howes (2003) ясно показал, что “ощущение – это не только физиологическая реакция и личный субъективный опыт. Это наиболее фундаментальная сфера культурного выражения, медиум, посредством которого задействованы все ценности и практики общества” (Howes, 2003: xi).

Таким образом, культурные практики могут способствовать осознанию врожденных отношений между сенсорными модальностями, на которых эти культурные традиции и полагаются. Я написал две статьи в попытке выяснить возможные отношения между культурным опытом и синестезией. В одной из них показано, как дисциплинарные культурные традиции в западной культуре благоприятствовали специализации и разделению чувств (см., например, Craquy, 1990) и как современная цифровая культура с её сверх-стимуляцией нашего сенсорного аппарата сделала синестезию актуальным концептом для интерпретации нашего современного культурного опыта. В другой своей работе я попытался сравнить опыт жизни в современной цифровой культуре с опытом жизни в средневековых устных культурах, которые Маршалл Маклюэн (Marshall McLuhan) называет синестетическими. Рассуждая об отношении между синестезией и цифровой культурой, я бы не стал отмечать тот факт, что, возможно, эта сверх-стимуляция чувств (Howes называет её “гиперестезией позднего капитализма”, но я предпочитаю относить её к цифровым технологиям, поэтому я написал о “техно-синестезии”) в цифровой культуре может каким-то образом быть причастной к увеличивающемуся количеству появлений новых типов синестезии, что мы сейчас и наблюдаем. Далее, судя по всему, существует связь между аутизмом и синестезией, а также в современной культуре появляется всё больше форм аутизма. Я действительно думаю, что культурный аспект так же важен, как и генетический компонент, однако существует много сообщений о семейных случаях сильной синестезии, так что глупо было бы отрицать наличие генетической предрасположенности.

Когда синестезия благоприятна, когда является помехой и когда нейтральным состоянием?

Я думаю, на этот вопрос лучше всего ответят “сильные” синестеты. Я сам считаю себя “слабым” синестетом – мои гласные имеют цвет, но я не наблюдаю этот цвет непосредственно в субъективном зрительном пространстве. Также в молодости у меня был опыт проявления “цветного слуха” под воздействием марихуаны. Однако, я подозреваю, это всё зависит от того каким образом индивид придаёт смысл своему способу восприятия мира: у каждого из нас свои особенности. Если вы облада-

ете слухом и не можете стать музыкантом или делать что-то что позволит вам неким образом сродниться с окружением, это очень неприятно. В классической цитате из книги Лурии о Шерешевском говорится о том, что он видел так много цветов в голосе Сергея Эйзенштейна, что не мог уловить смысла его речи – его ощущения перекрывали понятийное мышление. О подобном опыте рассказывали и некоторые другие синестеты. С другой стороны, Шерешевский с его синестезией также имел и преимущество, которое проявилось в феноменальной памяти, а Ричард Фейнман использовал синестезию в качестве способа организации сложного математического мышления.

Итак, по-моему, все дело в том, как каждый относится к своей жизни и какие находит точки взаимодействия с миром, будучи самим собой. Конечно, если синестет живёт в обществе, где к синестезии относятся как к патологии, о ему будет сложнее. Таким образом, это зависит от общества, в котором человек растёт: в некоторых обществах, может быть даже лучше быть глупым: глупцы более счастливы. Все дело в знании о самом себе: понимании кто ты, понимании мира, который тебя окружает, потенциала, которым обладаешь. Как я сказал, сложность может находиться в зависимости от общества.

Имеют ли люди с синестезией какие-то другие особенности? Может быть, все люди в определённой степени обладают синестезией?

В какой-то мере каждый является синестетом. Мы бы не понимали такие выражения, как “сладкий голос” или “кричащий цвет” и множество других синестетических метафор, если бы мы сами до определённой степени не были синестетами. Я думаю, каждый является особенным тем или иным образом, но синестеты, как представляется, имеют богатую чувственную жизнь, которую хотели бы иметь многие несинестеты. Общепринятое представление о синестетах заключается в том, что они живут в каком-то вечном психоделическом мире, полном цветов и глубоких ощущений. Однако, каждый является особенным, и, если синестетический опыт может дать людям ощущение того, что наш общий мир можно воспринимать по-иному, это очень важно, так как это поможет нам построить более богатый межсубъективный мир, равно как это бросает нам вызов, что же с этим можно делать.

Какова ваша история (и впечатление от) прочтения “Ума мнемониста” Александра Лурии?

Я прочитал эту книгу много лет назад. Моё самое яркое воспоминание о том, как исключительно он воспринимал мир и как эта исключительность привела его к необычным путям зарабатывать на жизнь. Я когда-то изучал кино, и строки, в которых Шерешевский говорит о Сергее Эйзенштейне привлекли значительное внимания. Я сам несколько раз их цитировал.

Почему важно исследовать синестезию? Каковы перспективы таких исследований для когнитивных наук и науки в целом?

Несомненно, синестезия помогает рассмотреть сразу несколько тем, касающихся познания. Во-первых, исключительность, уникальность индивидуального опыта. Никто из нас не испытывает одинаковую для всех объективную реальность: мы живём в межсубъективном согласении и чем больше мы замечаем многообразия восприятия, тем богаче становится мир, в котором мы живем. Как сказал Морис Мерло-Понти: “Мир – это бесконечный источник значения”. Во-вторых, я думаю, что, привлекая внимание к такому особенному, часто невыразимому опыту, синестезия также проливает свет на активный, творческий аспект восприятия: восприятие – это не пассивная рецепция объективного мира, “миро-восприятия”, но создание мира личного, “миро-осмысление”. Синестезия четче проясняет этот аспект. И к тому же здесь появляется вопрос о сознании, который считается одной из наиболее важных тем современной науки, и для изучения которого синестезия открывает очень интересную возможность. Я также был всегда увлечен связью между цифровой культурой и синестезией, о чем было сказно выше, так что для меня это выглядит интересной и актуальной темой исследования.

Относительно вашего понимания влияния культуры на сенсорium и связанных с культурой особенности синестетических моделей, как по-вашему, синестеты являются людьми с новыми более развитыми возможностями или теми, кто сохранил этот феномен в течение эволюционных изменений?

Считается, что эволюционные изменения возникают из-за адаптации и преимуществ в изменяющихся условиях окружающей среды. Они возникают случайно, но остаются надолго – потому что способствуют выживанию. Это грубое упрощение теории Дарвина. С одной стороны, следуя набору идей, которые я поддерживаю, только время сможет показать, являются ли синестеты людьми с эволюционными адаптивными преимуществами, с точки зрения человеческих связей в очень интенсивном изменении медиа-экологии (здесь я использую концепцию Маклюэн о человеческой технологической среде как о «медиа-экологии»).

Если немного поразмыслить, одним из путей ответить на этот вопрос положительно могло бы стать утверждение, что синестетический опыт является радикальным утверждением со стороны человеческого тела важности прямого сенсорного опыта. Рационализированный опыт, как мы знаем, стремился устранить все виды сенсорного опыта, в поиске усредненного воспринимающего наблюдателя, определяемого как «норма», в отличие от других видов опыта, рассматриваемых как «патология» или «болезнь». И, как я предположил, Модернизм способствовал радикальному подавлению нашего чувственного единства, чрезмерному приоритету зрения над всеми другими чувствами и радикальной специализации чувственного опыта в различных художественных практиках. Достаточно взглянуть на классическое описание современной

живописи Гринбергом или на музыку XX века Пьера Шеффера и других композиторов, чтобы увидеть, насколько живопись стала территорией «только для глаз», настолько же, насколько музыка стала «только для ушей». То, как тело восстановило свое единство в постмодернистском искусстве, является хорошим свидетельством того, насколько искусственным был модернистский уклон в сторону гипертрофии зрения, и можно считать, что многие формы синестезии появляются сейчас в качестве доступных мультисенсорных гештальтов, которые, действительно, могут стать полезными при приспособлении наших тел к условиям, когда количество мультисенсорных стимулов все время увеличивается.

Кроме того, для культуры в целом это столь же выгодно, потому что множество способов восприятия подразумевает множество способов осмысления, поэтому такое богатство смысла может помочь нам найти некоторые ответы на предстоящие большие вызовы. Чем больше у нас способов понимания реальности, тем больше у нас шансов найти новые ответы.

Мерло-Понти охарактеризовал Время как онтологически независимую сущность, а не как конструкт, раскрываемый сознанием. («...прошлое ведет к настоящему, а не сознание прошлого ведет к сознанию настоящего» («Видимое и Невидимое»)). В этом контексте, поскольку причина синестетических связей не может быть отрефлексирована синестетами и, следовательно, их мотивы кажутся неизвестными, полагаете ли вы, что синестезия является конструктом? Как мы можем примирить тот факт, что синестезия является конструктом, являясь, с другой стороны, непроницаемой для сознания синестетов?

Во-первых, в феноменологии Мерло-Понти время находится в абсолютном соотношении с экзистенциальным опытом субъекта и не может быть отделено от него. Опыт субъекта и есть время, как проект, который развивается в напряжении между тем, чего больше не существует, но остается наличествующим, и тем, чего пока нет, но что придает смысл субъектам, действующим в мире: «...Время, следовательно, – это не какой-то реальный процесс, действительная последовательность, которую я бы только регистрировал. Оно рождается из *моей* связи с вещами» («Феноменология восприятия»). Следуя Хайдеггеру, для Мерло-Понти время – это бытие само по себе; о нем нельзя думать в терминах современной науки, для которой оно является независимой переменной. Вот еще одна мысль: «Мы отмечаем фазы или этапы нашей жизни, мы рассматриваем, например, все, что имеет существенную связь с нашими нынешними заботами, как принадлежность к нашему настоящему; и, таким образом, мы подспудно признаем, что время и смысл едины». В том же направлении, взгляд на синестезию как на «конструкт» не имеет смысла: быть синестетом – это способ существования, и отрицать это во имя некой «усредненной нормальности» – значит отрицать себя,

а именно это и болезненно. Синестезию нельзя рассматривать как явление, независимое от человека, который испытывает ее, и чей способ осмысления своего существования и связи с миром происходит через ее посредство. Мы пытаемся изолировать эти вещи, потому что научное мышление не может развиваться иначе, кроме как через редукционизм. Для меня, хотя это и нелегко, всегда важно придерживаться понимания, как синестетический опыт определяет ситуацию синестета в иной перспективе, как она или он понимает мир и как это может обогатить межсубъективное со-творение нашего общего мира.

Если можно, пожалуйста, уточните термин «технофицированная синестезия». В частности, как это явление меняет культурные модели кросс-модальных соответствий? Как дети могут все больше и больше подвергаться воздействию цифровой среды и как это может повлиять на детей с врожденной (сильной) синестезией?

Технофицированная синестезия означает то, что раньше мы жили в культурном чувственном опыте, предполагающим единство чувств, в котором преобладали устная речь, являющиеся выражением всего тела. Современный мир (modernity) разъединил чувства и породил ультра-специализированные переживания, находившиеся под главенством зрения. Тело в постмодернизме взяло реванш; оно возродилось в своем единстве, в философии и в искусстве, в психоделической культуре и т.д. Однако возрождение это имело место в то время, когда происходили глубокие технологические изменения, и теперь технологии, те, что обнаруживаются повсеместно и определяют наше современные общество на многих уровнях, сами безоговорочно подчиняют все происходящее требованиям вычислительных алгоритмов. С одной стороны, эти технологии создают мир избыточной сенсорной стимуляции; с другой, все эти ощущения, живущие по законам информации, основаны на математизации каждого объекта, который порождается компьютерно-опосредованным опытом. Все, что человек воспринимает через любой цифровой интерфейс, предварительно прошло вычисление. Таким образом, мы воспринимаем мир как набор точно просчитанных объектов и проецируем эту точность на мир, который мы переживаем. Мы тренируем наше восприятие, чтобы быть более точными. Относительно врожденных синестетов, я бы рискнул предположить, что они будут все более и более выверено присваивать собственный опыт.

Если сенсорiums (модели кросс-модальных соответствий) меняются на протяжении всей истории и кажутся географически и культурно зависимыми, разве разные сенсорiums не порождают несовместимо разные способы создания смысла? Что особенного в современной западной культуре с точки зрения взаимосвязи чувств и соответствующего способа создания смысла? (Как) мы можем ответить на вопрос о том, что значит быть синестетом?

М. Мерло-Понти говорит, что каким-то же образом мы читаем Платона в современные времена и, даже, кажется, понимаем его. Но... Это так называемое рождение западной мысли, так что, в некотором смысле, даже пугает, как наши нынешние разговоры во многих отношениях очень похожи на диалоги Платона. Я имею в виду способ «рассказывать» миру – то, как мы проговариваем мир. Относительно этого западного проговаривания, который мы называем «построением знаний», Хайдеггер в известном увлекательном тексте «Диалог о языке между японцем и исследователем» приводит яркий пример такого различия между западным и восточным способами проговаривания мира. Сильно рискуя слишком упростить сверхсложную проблему, я бы сказал, что, похоже, восточные языки сохраняют связь с опытом, из которого они возникают, в то время как западное мышление стремится к независимому миру репрезентаций, откуда всё можно объективировать и контролировать. В западном языке, особенно в научном, глубоко заложено избегание заражения опытом – стремление быть «третьим лицом», не тронутым нечистой телом и мира. Что касается того, что значит быть синестетом – мы здесь должны постоянно обращаться к описанию непосредственного опыта. Точно так же, как есть разница между Вальтером Бенджамином, описывающим опыт с гашишем, или Олдосом Хаксли, описывающим свои трипы под мескалином, и молодым наркоманом, который говорит, что он или она «под кайфом». Иными словами, великие писатели знают, как воплотить свой опыт в языке. Таким образом, мы должны ожидать от синестетов то, что они – в виде блестящих литературных или иных художественных описаний – расскажут нам о том, что такое быть синестетами. В определенной степени на нескольких уровнях это уже происходит. Отличный пример – Пэт Даффи. Кэрол Стин и Марша Смилак. Мессиан оставил нам великолепные описания своего опыта с музыкой! Но и многие другие также помогают нам осознать особенности и закономерности бытия синестетов, разнообразие человеческого опыта – если перефразировать Уильяма Джемса.

Перевод:

Федор Палигин

Софья Складорова

Анастасия Мальшевская

Литература

1. Crary, Jonathan. 1990. *Techniques of the observer*. Cambridge, MA: MIT Press.
2. Howes, David. 2003. *Sensual relations: Engaging the senses in culture and social theory*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.